

Порфирич даже опешил. Едва он открыл люк мусоросборника, как на него посыпались батоны, полубуханки и просто куски хлеба. Он даже задрал голову кверху, как будто можно было увидеть, кто же там выбрасывает хлеб в мусоропровод. «Да что они, озверели? — в сердцах выругался дворник. — И ведь это не из одной квартиры», — убежденно заключил он про себя.

Хлеб лежал на цементном полу в грязной вонючей жиже среди огрызков, листов бумаги, картофельных очистков, сношенной обуви, бочонков детского лото. Держа в обеих руках по сухому нарезному батону, Владимир Порфирич машинально обтер их о свой заскорузлый фартук и так стоял в нерешительности с минуту. «Куда ж мне столько хлеба девать? — подумал дворник. — Не выбрасывать же, как они». Он достал из кармана не читанную еще газету, расстелил ее на кафельных плитках крыльца и стал аккуратно, батон за батон, кусок за куском, раскладывать хлеб. Когда газету уже не хватило, он стал класть хлеб на гладкие плиты.

— Ну и денек выдался, — проговорил он, качая головой.

Хлеб выбрасывали каждый день, но такого он еще не видел. Порфирич достал смятую пачку сигарет, закурил, глубоко затянувшись. Как и всегда, когда видел выброшенный хлеб, Порфирич с горечью подумал: «А ведь этим хлебом в блокадном Ленинграде можно было жизнь спасти». Сам Порфирич в Ленинграде в то время не был. Их семья была эвакуирована в пригород Алма-Аты. Позже, подростком, он пошел там на военный завод. Делал болванки для 82-миллиметровых мин. Но вот уже сколько лет прошло, а как увидит хлеб в грязи, так и вспоминает войну. С ним до сих пор случается: идет мимо полных витрин магазина, а потом вдруг остановится и так, чтобы не замечали прохожие, начинает считать банки со сгущенкой, сыры, пачки с вермишелью и печеньем. И все это с одной лишь целью — определить, на скольких людей можно было бы все разделить и как долго бы они продержались в голодном Ленинграде. Да, именно в Ленинграде, а не где-нибудь в другом месте, хоть голодно было в ту пору везде.

«Что с людьми произошло — не понимаю». Порфирич провел рукой по влажной скамейке у подъезда и присел.

Мелкая водяная пыль сыпалась с неба. Работать дальше он не мог. Это дело, как говорил он в таких случаях, надо перекурить. Детское оцинкованное корыто, в котором он возил на тележке мусор, вызвало у него почему-то улыбку. Он закурил, и

мысли унесли его в прошлое. И причиной всему — выброшенный хлеб. Ведь это форменное предательство — глумиться над хлебом.

...Вот Вовка мальчиком стоит в полукилометровой очереди за хлебом. Идет дождь. Люди прижались к дому. Его очередь еще далеко. Вход за углом. А впереди, заглушая разговоры женщин, отгадывающих друг дружке сны и пересказывающих письма с фронта, стучит вода по дну проржавевшего детского корыта. На голодный желудок как-то особенно зябко стоять на ветру под дождем. Скорее бы завернуть за угол. Там не так дует, а главное — там, когда открываются двери магазина и люди партиями выходят и заходят, ноздри улавливают сытный, ни с чем не сравнимый запах хлеба...

Порфирьч вспомнил все это и подумал: «Сейчас хлеб для меня так не пахнет. А что они? — Порфирьч думал уже о тех, кто выбросил хлеб.— Они наверняка и во все не ведали ни голодухи, ни вкуса, ни запаха хлеба. Потому и выбрасывают, что не знают ему цены.— Порфирьч взглянул на хлеб в грязи.— А ведь и я не стал бы сейчас, даже голодный, есть этот хлеб. Сытый стал,— зло подумал он про себя.— В войну цену хлеба ой как знали!»

Он снова, как бы со стороны, увидел себя в очереди за хлебом. Вот уже и долгожданное крыльцо. Со следующей партией войдет в магазин и он.

Хлеба ему тогда не дали. Продавщица посмотрела его карточки, положила их на прилавок и как-то по-особому сочувственно сказала:

— У вас все съедено. За четыре дня вперед дать никак не могу.

Стоя в очереди, он и сам знал, что хлеба не дадут. И все-таки выстоял, дошел до прилавка. Дома его ждут младший брат и сестренка. Они тоже знают, что хлеба могут и не дать. Прошло четыре часа. Фелька с Валькой еще надеются. Вовке так жалко стало их, что он чуть не заплакал. Закусив губу, с глазами, полными слез, он, не поднимая головы, вышел на улицу. Когда был в магазине у прилавка и волновался, глядя на аккуратно отрезанные ножницами карточки, хлеб так не пах. А чуть сошел с крыльца, опять ноздри защекотал сытный запах ржаного, с добавлением отрубей и кукурузы, хлеба. Вовка отошел от очереди и долго стоял, как будто можно было дышать тем воздухом.

«Нет, сейчас уже хлеб так не пахнет,— снова подумал Порфирьч, окидывая взглядом начавший мокнуть на дожде хлеб.— Ведь раньше даже сухой хлеб для меня имел запах...»

И снова он вспомнил себя мальчишкой. Едущим на полutorке. Машина шла в Аксай. Это была первая в его жизни поездка на работу. В кузове — несколько таких же, как он, подростков. Ехали молча. Думалось об одном: как встретят на работе? Вдруг машина резко затормозила. Встав на баллон и держась рукой за борт, в кузов вскочил белообрый лейтенант в пилотке. Ребята сидели на полу, прячась от ветра. Их попутчик стал в полный рост, упершись в кабину и широко расставив ноги. И тоже молчал, тоже думал о своем. Потом он достал из-за пазухи краюху черствого хлеба и стал есть. Вовка почувствовал запах хлеба и поднял голову. Ему тогда было видно снизу, как у лейтенанта движется кадык на шее. Но не запах хлеба удивил его. С изумлением и какой-то щемящей жалостью Вовка вдруг увидел и понял — лейтенант беззвучно плакал, грызя черствый хлеб. Почему? Вовка даже представить себе не мог причину этих слез. Лейтенант был молод, силен и красив. Но слезы его были вовсе не от ветра.

«Жив ли тот лейтенант? — подумал Порфирьч. Думы его совсем были невеселые.— Эх, человеки, человеки, какие мы стали... До чего дожили... Хлеб в помойку выбрасываем».

Парадная дверь стала непрерывно стучать — люди пошли на работу. Порфирьч

подошел к двери мусоропровода. За трубой у него был спрятан мешок. Он положил его на пол, расправил. «Хлеб убирать не буду,— твердо решил он.— Пусть все видят, до чего мы дожили». Он бережно наполнил мешок бутылками, приберегавшимися на случай. Поднявши мешок, Порфирьич прикинул стоимость стеклотары и неспешно опустил его в корыто. Решительно захлопнул дверь мусоросборника, два раза щелкнул ключом.

— Все... полна чаша,— негромко вслух сказал он.— На такой работе молоко за вредность надо получать.

Домой он вернулся поздно вечером, с песнями.

— ...Все-о равно-о война! — звучным аккордом закончил он последнюю, уже в подъезде. Она громким эхом прокатилась по всем этажам большого дома.

